

Анатолій ВІНОГРАДОВ

ТАК СУЩЕСТВУЮТ ЛИ ВСЕ-ТАКИ ПОСЛЕЛОГИ КАК ОТДЕЛЬНАЯ ЧАСТЬ РЕЧИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ? (Реплика)

Науковий вісник Ужгородського університету. Серія: Філологія

Випуск 2 (40) 2018

УДК 811.161.1'367.633

Виноградов А.О. Тож чи існують післялоги як окрема частина мови в російській? (Репліка); 6 стор.; кількість бібліографічних джерел – 6; мова російська.

Анотація. У статті ставиться питання про існування післялогів як окремої частини мови, яка нібито є похідною від приєдників, в сучасній російській мові; автор розглядає деякі «найбільш значущі», з точки зору прихильників, підстави для трактування приєдників як післялогів в окремих дослідженнях.

Ключові слова: післялоги, критерії виділення, російська мова.

В последнее время среди огромной массы научных публикаций, посвященных изучению новых явлений в современном русском языке как свидетельств его движения и развития, стали появляться работы, в которых пересматривается столь устоявшаяся данность, как система его частей речи, и в частности, категория служебных слов. Конкретно, объектом изучения в этих работах выступает нетрадиционное функционирование предлогов, которые иногда – и даже, согласно мнению отдельных исследователей, «не так уж редко» [3, с. 279] – ставятся после существительного (случаи типа *не корысти ради*), а не перед ним, как в обычном употреблении. Исходя из этого факта, авторы данных публикаций склоняются к мысли, а порой утверждают вполне определенно, что в РЯ появилась (или появляется) новая часть речи – послелог. Мысль эта кажется несколько диссидентской, несмотря на то, что все активизирующийся прогресс лингвистической науки ежедневно приучает нас к неустанной ломке привычных стереотипов и возникновению новых направлений, отраслей, ответвлений, дополнений, конкретизаций и т.п. в существующих научных парадигмах.

Для носителя РЯ послелоги, как известно, – явление экзотическое; они имеются, например, в тюркских и финно-угорских языках, а также в языках некоторых кавказских народов (азербайджанском, лезгинском и др.) [6, с. 389; 9], где они, присоединяясь к существительному, выражают вместе с ним, в основном, различные обстоятельственные значения. Согласно же новой концепции русских предлогов, они, оказавшись в постпозиции по отношению к существительному, грубо говоря, превращаются в послелоги – т.е. в новую часть речи. См., напр.: [7].

К сожалению, для обоснования столь ответственного заявления, которое без преувеличения могло бы претендовать в других условиях на статус научного открытия, не приводятся

сколько-нибудь серьезные аргументы. И прежде всего, на наш взгляд, неудачной является та исходная теоретическая посылка авторов подобных мнений, согласно которой послелог должен жестко ассоциироваться с предлогом – но, так сказать, «с противоположным знаком» (в смысле синтаксической позиции). Иначе говоря, первый должно толковать через второй, т.е. объяснять по принципу *qui pro quo*.

Истолкование сущности послелогов по такому принципу **в целом**, очевидно, можно принять, но лишь в качестве самого общего и самого предварительного операционно-исследовательского приема, наделенного изрядным метафорическим потенциалом, который используется исключительно в целях удобства описания, подводя новое, мало известное или даже неизвестное языковое понятие к хорошо известному, знакомому для большинства понятию предлога¹ – как это и имеет место в ряде источников справочно-энциклопедического характера [6; 8; 9 и др.].

Однако применительно к русскому языку вся соль трактовок послелогов состоит в том, что они не метафорически, а **буквально** ориентируются (и ориентируют) на предлоги² – при том что в отдельных современных научно-энциклопедических определениях послелогов открыто говорится, что в РЯ (как и в других славянских языках) послелогов нет, как, напр., в [8].

¹ Именно так поступает Е.В. Муравенко, утверждая, что «послелоги – это частный случай предлогов» [5, с. 6], не считая нужным прибегать к какой бы то ни было развернутой аргументации и игнорируя тот факт, что послелог как языковая величина функционально и семантически коррелятивен предлогу лишь отчасти.

² В несколько завуалированном виде мысль о том, что послелоги – это «предлоги наоборот», проводится в противоположно построенной формулировке: «В русском языке функции, выполняемые <...> послелогами, берут на себя предлоги» [3, с. 278].

Согласно логике «диссидентской» интерпретации предлогов-последлогов, необходимым и достаточным признаком, отличающим предлоги в русском языке от последлогов – в нем же, должна быть, таким образом, разная синтаксическая позиция (не функция!) тех и других по отношению к управляемому ими существительному. По этому поводу можно сказать следующее.

Во-первых, как известно, синтаксическая позиция слова в конструкции (предложении, синтагме) отнюдь не тождественна его синтаксической функции (роли) и не определяется ею – во всяком случае, для языков с нежестким порядком слов, таких, как русский. Заметим попутно, что в этом случае вопрос касается только знаменательных частей речи, обладающих, пусть в разной степени, лексическим значением. В РЯ предлог образует вместе с характеризующим им существительным одну целостную синтаксему, в рамках которой вся лексическая нагрузка ложится, естественно, на существительное. Можно констатировать, не претендуя на лингвистическую строгость формулировки, что русский предлог, по сравнению хотя бы с тем же существительным, лексического значения лишен³.

Специфическая синтаксическая функция может быть главным критерием выделения особой части речи, при нерелевантности собственно морфологических признаков, – достаточно привести тривиальный пример с категорией состояния, которая в высказывании является всегда и только предикатом. Вместе с тем синтаксический признак, лежащий в основе выделения слов со значением состояния в особую часть речи, не является достаточным: слова КС, в силу своей семантики (также конституирующий признак), функционируют только в так называемых безличных (односоставных) предложениях, обозначающих состояние в широком смысле. Синтаксический тип целого предложения, таким образом, является очень важным условием, благодаря которому слова КС выполняют свою единственную синтаксическую функцию, в свою очередь, служащую их «частеречным маркером». Синтаксическая позиция самого слова КС не способна повлиять на его указанную синтаксическую функцию: *Сегодня тепло – Тепло сегодня.*

Эти, достаточно банальные, вещи говорятся здесь для того, чтобы, на их фоне, не возникало никакого искушения приписывать предлогам некий скрытый «трансформационный

потенциал», который в нужный момент (перестановка предлога в постпозицию) проявляет себя настолько радикально, что превращает их в иную сущность, в другую часть речи – последлоги. Ведь и в пре-, и в постпозиции русские предлоги точно так же управляют существительным и выражают вместе с ним одни и те же значения, например целевое: *Трудится не денег ради – Трудится не ради денег.*

В качестве следующего конституирующего признака русских последлогов исследователи называют их собственную падежную валентность. Но в примере выше падежная валентность слова *ради*, управляющего существительным *денег*, остается тождественной (Р.п.), независимо от его позиции по отношению к данному существительному: $N_2 + \text{ради} = \text{ради} + N_2$. Т.е. оба этих признака – и падежная валентность служебного слова, и его «особая» позиция в конструкции (постпозиция) – не являются аргументом для выделения последлога в отдельную часть речи в РЯ, как это провозглашается, например, в [7].

Постпозитивное употребление предлогов в письменной речи вызвано, как нам кажется, исключительно экспрессивно-стилистическими задачами: для придания повествованию разговорного или поэтического колорита, для создания образности и т.п. Эти аспекты постпозитивного употребления предлогов (впрочем, всего двух из них – *ради* и *для*) анализируются, в частности, в работе Ю.Т. Долина [2], который, тем не менее, не склонен пересматривать их морфологическую сущность – переводить в последлоги, лишь на основании их функционально-стилистической маркированности.

Русский предлог – единица с иным функциональным качеством, чем последлог. Инверсия предлога в речи обусловлена экспрессивно-стилистическими задачами и является результатом воздействия функциональных параметров стиля и не связана с выражением каких-то иных, по сравнению с его препозитивным (обычным) употреблением, значений или смысловых оттенков. Так что расширять категорию служебных слов РЯ путем «открытия» в нем новой единицы – последлога, в дополнение к имеющемуся предлогу, – пожалуй, вряд ли целесообразно.

Такой, по нашему мнению, должна быть общая установка в подходе к вопросу о «последлоговом статусе» русских (да и других славянских) предлогов.

³ Впрочем, сегодня высказываются отдельные мнения, что предлог обладает лексическим значением, «пусть и ослабленным» [4, с. 281]. В.В. Виноградов лексическое значение предлогов сводил к их грамматическому значению [1, с. 34], что кажется более точным и объективным.

Литература

1. Виноградов В.В. Русский язык (грамматическое учение о слове) / В.В. Виноградов. – Изд. 2-е. – М.: Высшая школа, 1972. – 614 с.
2. Долин Ю.Т. Предлоги-послелогои? / Ю.Т. Долин // Вестник ОГУ, 2005. – № 1. – С. 86-88.
3. Крылов С.А., Муравенко Е.В. Послелогои в русском языке // [Режим доступа]: www.philol.msu.ru/~rlc.2007/pdf/10.pdf. – С. 278-279.
4. Лебедева Я.А. Актуализационная парадигма предлога / Я.А. Лебедева // [Режим доступа]: www.philol.msu.ru/~rlc.2007/pdf/10.pdf. – С. 281.
5. Муравенко Е.В. Послелогои в русском языке / Е.В. Муравенко // X Лингвистическая школа. – Дубна, 2012. – 17 слайдов. [Презентация]
6. Поцелуевский Е.А. Послелог / Е.А. Поцелуевский // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: СЭ, 1990. – С. 389.
7. [Режим доступа]: www.solarix.ru/grammar/preposition.shtml
8. [Режим доступа]: www.textologia.ru/slovari/lingvisticheskie-terniny/poslelog/?q=486&n=1370
9. [Режим доступа]: dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/672926

Анатолий ВИНОГРАДОВ

**ТАК СУЩЕСТВУЮТ ЛИ ВСЕ-ТАКИ ПОСЛЕЛОГИ КАК ОТДЕЛЬНАЯ ЧАСТЬ РЕЧИ
В РУССКОМ ЯЗЫКЕ?**

(Реплика)

Аннотация. В статье ставится вопрос о существовании послелогов как отдельной части речи, которая будто бы является производной от предлогов, в современном русском языке. Автор рассматривает некоторые «наиболее значимые», с точки зрения сторонников, основания для трактовки предлогов как послелогов в отдельных исследованиях.

Ключевые слова: послелогои, критерии маркировки, русский язык.

Anatoly VINOGRADOV

ARE THERE REALLY THE POSTPOSITIONS AS A SEPARATE PART OF SPEECH IN RUSSIAN?

(A Remark)

Summary. The paper raises a question, whether is it right to single out postpositions (which are considered as a “derivate” from the prepositions) in modern Russian as a separate part of speech – right equally with prepositions, – or it isn’t. The author analyzes a criteria qualified as “the most significant” for such an interpretation of postpositions in some language investigations.

Key words: postpositions, marking criteria, Russian.

Стаття надійшла до редакції 27 вересня 2018 р.

© Виноградов А.О., 2018

Виноградов Анатолий Олександрович – доктор філологічних наук, професор кафедри слов’янської філології та світової літератури філологічного факультету Ужгородського національного університету.